

История

«Гоминданский» хлеб. К истории китайцев в Москве второй половины 1920-х годов

© 2018

Е.Г. Калкаев

Статья посвящена китайскому пекарному кооперативному товариществу в Москве 1920-х годов. В советской столице периода нэпа сотни граждан Китая были вовлечены в хлебопекарный промысел. На основе архивных данных в статье рассказывается об их деятельности, быте и взаимоотношениях с властью.

Ключевые слова: китайская кооперация, китайские пекари, нэп, Москва.

Когда речь заходит о китайском населении Москвы 20-х годов XX века, прежде всего вспоминаются учебные заведения, готовившие кадры для революции в Китае, и китайские прачечные. С китайскими студентами современники сталкивались не так часто, но об их существовании иногда напоминали печатные издания. В настоящее время описание их повседневной жизни, учебы и политической активности можно найти как в многочисленных мемуарах, так и в исторических исследованиях¹. Китайские прачечные (как коллективные, так и принадлежавшие кустарям-одиночкам) были важной и заметной составляющей городской инфраструктуры. Большое количество информации о них содержится в воспоминаниях, художественном нарративе и москвоведческой литературе².

На этом фоне практически незаметной осталась работа китайцев в пекарнях и других предприятиях бытового обслуживания. Как правило, исследователи лишь изредка и вскользь упоминают о них³. Конечно, количество китайских пекарен по отношению к общему масштабу московского хлебопечения было не так велико. Тем не менее, в этот промысел были вовлечены сотни человек, составлявшие, по некоторым оценкам, около 7,5% от общего числа китайцев, проживавших в городе⁴. Таким образом, в контексте изучения истории китайской диаспоры в Москве эта тема представляет определенный интерес. В данной статье мы рассмотрим ее на примере китайского промыслово-кооперативного товарищества «Гоминданский пекарь»⁵.

Появление во время Первой мировой войны в России большого количества китайских рабочих было связано с компенсацией нехватки трудовых ресурсов. В условиях, когда значительная часть населения страны оказалась на фронте, правительство было вынуждено санкционировать вербовку китайских кули. Их труд получил широкое приме-

нение в строительстве, особенно железнодорожном, в добыче полезных ископаемых, на фабриках и т.д. В результате революций 1917 года, выхода России из войны и экономического коллапса большинство этих рабочих лишились источников средств к существованию. Усилиями разных сторон их начали эвакуировать на родину, однако в условиях раздробленности страны и нарушения транспортного сообщения полностью решить эту проблему было невозможно. По китайским данным, в 1921 г. на территории европейской части России оставались примерно 90 тыс. китайцев, не имеющих постоянной работы⁶. Часть из них пошла на службу в Красную Армию, часть перебивалась временными подработками. После окончания гражданской войны, в период разрухи и безработицы труд в пекарнях Москвы стал одним из основных занятий (после прачечного, трикотажного и кожевенного промыслов⁷) осевшего в городе китайского населения.

В российской индустрии питания китайцы начали работать еще задолго до этого. Во второй половине XIX века на Дальнем Востоке они трудились в качестве поваров, а в китайских ресторанах зачастую объявляли, что «здесь готовят любую пищу»⁸.

Кроме того, в первое десятилетие XX века на Дальнем Востоке уже существовали китайские пекарни. В докладе уполномоченного Министерства иностранных дел В.В. Граве сообщалось о том, что в 1910 г. китайцам, корейцам и японцам в Амурской области принадлежало 5, а в Приморской области — 59 пекарен (в 1909 г. — 0 и 36 соответственно)⁹. Учитывая, что автор доклада, с одной стороны, оценивает общее количество корейских предприятий как «очень ничтожное»¹⁰, а с другой — приводит данные, согласно которым японских булочников к 1 января 1910 г. было только 7 дворов¹¹, можно сделать вывод, что подавляющее большинство этих пекарен принадлежало именно китайцам¹².

Другим свидетельством знакомства китайцев с российскими традициями хлебопечения являются анкетные данные работников рассматриваемой нами московской пекарни за 1928–1929 гг. 37 китайцев из 145 (т.е. четверть) имели опыт работы в пекарнях до 1921 г. Из них более десяти человек работали в этой сфере еще до 1914 г. Большинство приобрели опыт во Владивостоке, Омске, Чите, Харбине и других местах Дальнего Востока и Сибири. Правда, девять человек из этих тридцати семи начинали как чернорабочие, то есть напрямую не соприкасались с производством, однако часть из них со временем перешла в подручные и мастера¹³. Таким образом, можно отметить, что необходимый для работы в этой области организационный и производственный опыт представители китайской диаспоры имели еще до Октябрьской революции.

Если судить по имеющимся отрывочным данным, то в первой половине 1920-х годов часть китайских пекарен находилась в частной собственности, а часть уже была кооперативными. Например, в 1924 г. частными были пекарни *Гун-Шин-Жена*¹⁴ (Лаврушинский переулок, д. 4), *Лангчунана* (он же *Лан-цун-нан*) на Большой Молчановке, д. 1, пекарня *Синзена* в Марьиной роще. К кооперативным относились: артель китайцев «Македония» (чья булочная находилась на Большой Полянке), пекарни на Малой Переяславской улице и Новинском бульваре¹⁵.

К концу 1926 г. количество частных пекарен, по-видимому, сокращается. Так, в справочнике «Вся Москва» на 1927 год зафиксирована только одна китайская частная хлебопекарня — в Лаврушинском переулке (правда, штат за два года вырос с 4 до 30 человек)¹⁶. Это не означает отсутствия других частных пекарен — информация справочника по разным причинам далеко не полная, однако можно отметить определенную тенденцию. Эту тенденцию подтверждает и тот факт, что на месте упомянутой пекарни в Лаврушинском переулке уже в том же 1927 году возник кооператив «Китайский пекарь»¹⁷.

Некоторое представление о масштабах китайского хлебопечения могут дать следующие цифры. К 1929 г. количество только известных нам московских адресов пекарен составляло 22¹⁸. Всего же за период 1924–1929 гг. можно говорить как минимум о 39 адресах, по которым находились китайские пекарни и/или булочные магазины (сюда

не включены палатки на рынках Москвы: Сухаревском, Устьинском, Марьинском, Преображенском, на Каланчевской площади и в других местах). В различных справочниках и документах фигурируют более двух с половиной десятков названий, которые использовали китайские хлебопекарные предприятия и булочные в это время. Среди названий преобладали прямо указывающие на принадлежность к китайской диаспоре («Китайский рабочий», «Красный Китаец», «Москитпром», «Маньчжурский пекарь» «Харбинский пекарь», «Чифусский пекарь», «Шанхайский пекарь» и др.); некоторые именовались по месту своей локализации (например, «Маленковский пекарь», размещавшийся на Маленковской улице, «Новинский пекарь» на Новинском бульваре или «Угрешский пекарь» на Большой Угрешской улице); некоторые носили нейтральные, ассоциирующиеся с их производством названия (артель «Пекарь», «Хлебартель»); встречались и такие названия, как «Чилийский пекарь» или «Македония».

Однако важно еще раз подчеркнуть, что вышеприведенные цифры относятся только к известным нам адресам и названиям пекарен. Фактически их количество было больше. Если экстраполировать данные за 1928 г. о количестве работников одиннадцати отделений бывшего «Гоминданского пекаря», в котором трудились порядка 110 человек¹⁹, можно предположить, что в известных нам в это время 22 пекарнях работало около 200–250 китайцев. Тем не менее в конце 1928 г. только в пекарнях, входивших в Москопищепромсоюз (Московский губернский союз промысловых кооперативов пищевкусовой промышленности), трудились 328 китайцев²⁰. По другим же данным, в 1928 г. в столичном пекарном производстве всего было занято примерно 600 членов китайской диаспоры²¹. Таким образом, получается, что в это время число китайских предприятий превышало три десятка и, возможно, доходило до 50–60.

«Гоминданский пекарь» возник на базе упомянутой выше частной пекарни *Синзена*. Располагалась она по адресу 1-я Ямская, 20 в квартире № 2. Ее владелец проживал в нескольких километрах от своего предприятия, по адресу Последний переулок, 24, кв. 3., между Трубной улицей и Сретенкой — в популярном тогда среди китайцев районе. В пекарне насчитывалось шесть работников. Производимый товар реализовывался оптом и в розницу²². Причем магазин при пекарне появился позднее, сначала торговля была только в развоз.

К концу 1925 г. пекарня на 1-й Ямской стала промыслово-кооперативным товариществом «Гоминданский пекарь»²³. В том же году товарищество присоединилось к объединению булочных кооперативов «Хлебоартельсоюзу» (позже ставшему Москопищепромсоюзом)²⁴.

В это время товарищество состояло из 7–9 человек. Кооператив не приносил большой прибыли: так, валовая прибыль за 1924–1925 отчетный год составила 581 руб. 55 коп. А учитывая вынужденный расход на ремонт печи, чистая прибыль равнялась 181 руб. 55 коп. Тем не менее члены товарищества получали оклад в 70 руб. и бесплатные обеды — специальные суммы выделялись на общий стол²⁵. Для сравнения отметим, что в 1926 г. ставка педагогического персонала 17 и 16 разрядов в Университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена составляла 80 руб., а технического персонала, обслуживающего общежития студентов (дворники, истопники, швейцар, уборщица, сторож) — 45 руб.²⁶

Основной трудностью, с которой сталкивался «Гоминданский пекарь», как и большинство других кооперативных пекарен того времени, была нехватка муки. Определенное количество сырья, прежде всего муки, распределялось по нормированным ценам в кооперативных и государственных центрах (в Москопищепромсоюзе, Хлебопродукте). Но и без того скудные нормы регулярно не обеспечивались или урезались. Так, в июле 1925 г. товарищество обращалось в пищепромсоюз с просьбой увеличения нормы выдачи муки. Однако уже в августе члены пекарни жаловались, что «норма общая сокращена для всех артелей на 1/3, а нашей артели ее сократили с 50 пудов до 16, то есть на 2/3»²⁷.

Эта проблема сохранялась и в дальнейшем: «Гоминданский пекарь» недополучал муку и в 1926, и в 1927 г. В мае 1927 г. при норме артели в 1760 пудов в пищевом союзе было получено 650 пудов, а в Хлебопродукте — 700 пудов. То есть, недополучено оказалось свыше 400 пудов (более 6,5 т) муки²⁸. Так продолжалось и все лето — кооператоры жаловались, что муку становится получать все сложнее, а в ответ слышали либо объяснения о нехватке, либо обещания, которые редко выполнялись.

Сбыт продукции первоначально в основном был оптовым и осуществлялся в развоз. То есть пекарня прежде всего ориентировалась на работу с частными торговцами. Вопрос об открытии магазина был поставлен 2 января 1926 г., и уже к концу января собрание поддержало решение открыть магазин. Сделано это было для сохранения нагрузки производства и уровня выпечки в обстоятельствах сокращения сбыта «по местам»²⁹. Но основная выручка все же поступала от оптовых продаж. Для сравнения, в июне 1926 г. продажи по магазину составили 1328 руб. 23 коп (из них ситного нормированного было продано 2184 кг на 480,57 руб.; ситного простого — 1500,2 кг на 450,06 руб.; витого и саяк — 1120 кг на 397,60 руб.) В развоз же было продано на 10490,10 руб. (простого ситного — более 30,5 тонн, а витого и саяк — 6381 кг)³⁰.

В 1927 г. на пике очередного кризиса с сырьем Москопищепромсоюз выступил с предложением укрупнения «Гоминданского пекаря» путем присоединения к нему нескольких других китайских пекарен. Представители союза настаивали на объединении, убеждая китайцев в том, что это делается «в целях сокращения накладных расходов и ненужной траты времени членами правления мелких артелей», упрощения отчетности и экономии на содержании бухгалтерии³¹.

8 октября 1927 г. собрались представители объединяющихся промыслово-кооперативных товариществ: «Гоминданского пекаря», «Фунтхенского пекаря», «Харбинского пекаря», «Москитпрома», «Угрешского пекаря», «Новгородского пекаря» и «Маньчжурского пекаря»³². Было выбрано правление и ревизионная комиссия. Пять глав бывших артелей стали членами правления: Ян Дэшань («Фунтхенский пекарь»), Чжан Цзыван («Москитпром»), Чжан Сюйчжи («Угрешский пекарь»), Лян Чандо («Маньчжурский пекарь»); двое — кандидатами в члены (Ли Ваншунь из «Гоминданского пекаря» и Сян Лин из «Новгородского пекаря»). Председателем единогласно был избран Чжан Сюйчжи³³. После этого члены правления обсудили отдельные организационные и технические вопросы³⁴.

Довольно скоро к разросшемуся «Гоминданскому пекарю» присоединился «Китайский пекарь», а уже через год, осенью 1928 г., число членов товарищества превысило 110 человек в 11 отделениях, расположенных в разных районах города³⁵ — от Марьиной рощи и Трубной, до Большой Угрешской (в наст. время Стройковская) и Рабочей улиц; от Шаболовки до улицы Девятой роты.

Основной стратегии развития укрупненного товарищества должно было стать расширение торговой сети и увеличение розничного сбыта. 20 октября было решено срочно приобрести торговые патенты для новых точек продаж и начинать реализовывать в них по возможности максимальное количество продукции³⁶.

В контексте того времени эта, казалось бы, чисто экономическая задача (увеличение собственных точек продаж), включала в себя и важный политический аспект — борьбу с частником. Ее реализация была направлена на сокращение оптовых поставок хлеба частным торговцам, что в свою очередь должно было ограничить им возможность повышать цены.

И если на первых порах инструкторы Москопищепромсоюза пытались говорить об экономической выгоде, которую получало товарищество от такой борьбы, то вскоре эта борьба стала самоцелью. Союз пересылал директивы вышестоящих органов, сначала требующие максимально ограничивать торговые отношения с частниками, а позже — прямо запрещающие³⁷. В результате уже с октября 1927 по январь 1928 г. оптовая прода-

жа частным лицам сократилась с 77,4% до 4,9% (переключившись в основном на государственные и кооперативные предприятия), а розничная продажа за этот период увеличилась с 22,6% до 49,3%³⁸.

Несомненно, объединение артелей и создание разветвленной системы сбыта могло значительно повысить эффективность деятельности китайских хлебопекарен. Но товарищество во многом продолжало зависеть от тех же проблем, с которыми сталкивалось ранее. Как и прежде, основным препятствием была нехватка сырья. А в связи с расширением масштаба предприятия увеличился и масштаб проблемы.

Из-за нехватки муки октябрь 1927 г. был убыточным. В конце ноября правление говорило о возможности пополнить запасы в кооперативных центрах и изыскивало для этого дополнительные средства³⁹, но уже в январе 1928 г. нормы были снижены. Если в декабре 1927 г. было получено от Москопищепромсоюза муки по первой (самой льготной) категории из расчета 1474 кг на члена товарищества, то в январе 1928 г. — только 1146 кг; а в феврале дали всего 655 кг, да и то по второй, более дорогой категории⁴⁰. Кроме того, пекарням были установлены нормы выпечки дешевого черного хлеба — не меньше 50%, у «Гоминданского пекаря» в феврале она достигла 70%⁴¹.

В ситуации, когда цена на муку повышалась, а продажная цена хлеба сохранялась, убыточным становился не только простой ржаной (кислый) хлеб, но и полубелый (изготавливаемый из ржаной и пшеничной муки) украинский. Например, в сентябре 1928 г. при фиксированной цене украинского 14 копеек за килограмм, его производственная себестоимость в разных отделениях была от 9 до 15,63 коп. С кислым дело обстояло хуже: продажная цена была 8 копеек, а себестоимость в пекарнях от 8 до 14,22 коп.⁴²

Неудивительно, что работа пекарен в этих условиях часто была нестабильной. Некоторые отделения регулярно приносили убыток. Самое плохое положение было в третьем и втором отделениях, за первое полугодие 1928 г. убытки в них превысили соответственно 3100 и 870 рублей⁴³. Впрочем, правление еще с начала года обращало внимание на плохую организацию деятельности третьего отделения как с технологической стороны (отмечался крайне низкий припек), так и с торговой — давались большие скидки при продаже продукции⁴⁴. Кроме того, в единственной печи этого размещавшегося в тесном подвальном помещении отделения невозможно было одновременно выпекать белый и черный хлеб⁴⁵. Третье отделение пришлось закрыть, а членам второго пригрозили ликвидацией. Правление поручило председателю Чжан Сюйчжи специально встретиться с его коллективом, «обратиться к ним с призывом, каждому смотреть, дабы улучшалась работа отделения и предупредить их о последствиях»⁴⁶. Убеждения оказались действенными, деятельность отделения пошла в гору и стала рентабельной⁴⁷.

В обстоятельствах ограниченных ресурсов и низких цен серьезные последствия могли повлечь действия конкурентов. Так, в мае 1928 г. выяснилось, что проблемы, с которыми ранее столкнулись 1-е и 2-е отделения, были связаны не столько с неудовлетворительной работой пекарен, сколько со странной деятельностью их соседей — товарищества «Красное знамя Турции». Последнее регулярно продавало свои изделия по цене на 30% ниже прейскуранта, привлекая к себе покупателей и заставляя китайские пекарни снижать цены. Что касается «Гоминданского пекаря», можно сказать, что укрупнение фактически не дало китайским кооператорам никакой выгоды. Собственно, наиболее ярко этот результат отразился в финансовых показателях. Если чистая прибыль товарищества за 1925–1926 год составила 442 руб. 75 коп.⁴⁸, а в 1926–1927 году — 5105 руб. 38 коп.⁴⁹ (фактически, это было суммированием прибыли нескольких независимых артелей до объединения), то чистая прибыль всего укрупненного товарищества за 1927–1928 год составила только 510 рублей⁵⁰. Таким образом, прибыль всего объединенного «Гоминданского пекаря» стала вполне соотносимой с прибылью этой артели до укрупнения.

С середины 1928 г. при активной поддержке Москопищепромсоюза в товарищество начал внедряться коммунистический актив. Постепенно преодолевая сопротивление правления и рядовых членов «Гоминданского пекаря», на руководящие должности выбирались члены коммунистической партии — назначенцы союза.

Сначала, в июле 1928 г., на должность помощника председателя был выбран Д.И. Якухин⁵¹. В январе 1929 г. Оргсовет Союза смог сделать китайского члена ВКП(б) Тан Сана помощником заведующего 7-м отделением «Гоминданского пекаря». Учитывая тот факт, что вскоре правление было вынуждено заняться урегулированием конфликта, возникшего между новым назначенцем и коллективом отделения, это назначение вряд ли сыграло положительную роль⁵².

Через несколько дней, 30 января, членом товарищества стал сербский коммунист А.И. Павлович, профессиональный булочник. Правление пыталось зачислить Павловича на должность подмастерья, однако после дебатов он был принят на должность мастера⁵³. Не прошло и двух недель, как при поддержке присутствовавшего на заседании инструктора Союза Тихомирова был поставлен вопрос о введении Павловича в состав правления⁵⁴.

5 февраля Д.И. Якухин объявил о том, что решением Оргсовета его переводят в правление кооперативного товарищества «Муравейник»⁵⁵, и на смену ему пришел поляк Д.Я. Романюк⁵⁶.

В марте 1929 г., в связи с началом введения карточной системы продажи хлеба, было озвучено требование о передачи торговых единиц Москопищепромсоюза в Московский союз потребительских обществ. А из-за отказа МСПО принимать готовый хлеб работа пекарен товарищества была приостановлена⁵⁷. Москопищепромсоюз (МППС) пытался доказать, что его система могла бы легко перестроиться, чтобы «выполнить задачи, свойственные организации выпекающей хлеб и снабжающей население хлебом на основах отчетности вводимых карточной системой»⁵⁸. Но несмотря на попытки Союза сохранить контроль над своей сетью, требование коллегий Народных комиссариатов Рабочекрестьянской инспекции СССР и РСФСР⁵⁹ пересмотрено не было.

В этих обстоятельствах продолжать работу было бессмысленно, и общее собрание 4 апреля 1929 г. приняло решение о ликвидации товарищества⁶⁰.

Так заканчивалась история китайского хлебопечения в Москве. Заметим, что «Гоминданский пекарь» к этому времени носил уже другое название. Впервые речь о переименовании зашла в апреле 1928 г. Сначала было предложено назвать артель именем советского вице-консула А.И. Хассиса, убитого в декабре 1927 г. во время подавления Кантонского восстания⁶¹. Однако только на общем собрании, состоявшемся 28 августа 1928 г. «Гоминданский пекарь» стал «Китайским пролетарием»⁶².

Несмотря на непродолжительность истории китайских пекарен в Москве, их деятельность занимала важное место в жизни диаспоры. Этот промысел был третьим по популярности (после прачечного и трикотажного) среди китайцев северных провинций (большинство китайцев-южан занимались кожевенным производством)⁶³. Работа десятков хлебопекарных предприятий позволяла не одной сотне граждан Китая зарабатывать себе на жизнь.

Как уже отмечалось, оклад в «Гоминданском пекаре» долгое время составлял 70 рублей и до осени 1927 г. был равным для членов товарищества⁶⁴. Позже он стал дифференцированным. В октябре 1927 г. были зафиксированы следующие ставки: 120 рублей для пекарей и членов правления (не освобождавшихся от своих обязанностей в производстве), 100 руб. для подмастерьев и продавцов, 70 руб. для подручных⁶⁵. В ноябре было принято решение увеличить их на 30 рублей⁶⁶, но уже в декабре было объявлено о снижении на 20%⁶⁷.

В 1928 г. по причине большой занятости была увеличена зарплата главного бухгалтера Лясковского, а позже — председателя и заместителя председателя правления.

Они стали получать по 225 рублей, у остальных же она осталась без значительных изменений⁶⁸. Хотя причиной сокращения окладов были названы убытки, которые терпело товарищество сразу после объединения, очевидно, это произошло не без давления Москопищепромсоюза. Судя по отчетам, Союз проводил специальную политику нормирования зарплаты и рабочего дня.

Еще с 1 октября 1927 г. были отменены бесплатные обеды. С этого времени члены товарищества, желающие участвовать в общем столе, должны были платить за него из своего кармана⁶⁹. Кроме этого, важно учитывать, что новые члены товарищества были должны вносить паевые взносы, в декабре 1928 г. увеличенные до 200 рублей⁷⁰ (их вносили путем ежемесячных удержаний из зарплаты). Практически в обязательном порядке приходилось подписываться и на займы индустриализации. В популярном «добровольно-принудительном» стиле требовалось «подписаться всем кто сколько желает, но не меньше месячного заработка»⁷¹ (эти суммы также постепенно вычитались из зарплаты). В этих обстоятельствах обычным явлением была сильная текучка кадров. Мобильные китайские трудящиеся легко меняли работу в поисках наилучших условий.

Условия жизни также оставляли желать лучшего. Часть членов товарищества проживали прямо в пекарнях. Так, во время ликвидации «Китайского пролетария» коллектив 10 отделения просил на ближайшее время оставить им помещение, обещав заплатить за него самостоятельно⁷². Некоторые в попытках скрасить свой досуг посещали притоны, которые часто находились поблизости и содержались другими китайцами. Например, в феврале 1925 г. сотрудниками Московского уголовного розыска был обнаружен притон по адресу 3-я Мещанская, 15, в том же доме находилась и пекарня «Харбинский пекарь»⁷³. Это лишь один из многочисленных случаев раскрытия нелегальных заведений, в которых было распространено курение опиума и азартные игры⁷⁴.

Среди членов товарищества в основном преобладали неграмотные и малограмотные. Примерно каждый седьмой был не в состоянии даже поставить свою подпись на документах: при приеме на работу они удостоверяли анкету отпечатком пальца⁷⁵, а в подписных листах на общих собраниях ставили крестик или просили расписаться товарищей. Большинство не понимало русский язык. На общем собрании в феврале 1928 г. было отмечено, что по-русски понимают только 18 членов товарищества, тогда как всего присутствовали 47 человек⁷⁶.

Несмотря на то, что культурное просвещение и работа по ликвидации безграмотности рассматривалась Советской властью как важная задача, эффективно реализовать ее среди китайцев было нелегко. После укрупнения «Гоминданского пекаря» это направление курировал Якухин, но его деятельность больше сводилась к агитационно-идеологической работе. Так, по настоянию Якухина был закрыт первый магазин «Гоминданского пекаря» в Марьиной Роще, и в его помещении открыли красный уголок. В нем разместили радио, выписали туда газеты и журналы, развесили плакаты и агитационные материалы⁷⁷. Члены товарищества регулярно посещали специальные собрания и митинги, посвященные годовщинам революции, смерти В.И. Ленина, Первому мая, участвовали в демонстрациях на Красной площади. Для этих целей было даже заказано специальное знамя кооператива на «русско-китайском языке»⁷⁸.

Регулярно на общих собраниях председатель общества «Возрождение Китая» Лян Кунь⁷⁹ читал лекции об экономической и политической ситуации в Китае. Рассказывал о борьбе в Китае с силами китайской и зарубежной буржуазии, о действиях японского империализма и т.п. Члены «Гоминданского пекаря» слали «свой горячий братский привет трудящимся Китая, ведущим геройскую борьбу со своими угнетателями» и восхваляли СССР — страну трудящихся, «в которой все национальности и все народности равноправны»⁸⁰.

Во второй половине октября 1928 г. Москопищепромсоюз решил просить нескольких китайских студентов, живущих в Москве, вести занятия. Но эта инициатива

не получила поддержки — пекари-северяне сказали, что большинство студентов — южане, и они не смогут в достаточной мере понимать друг друга. От приглашения студентов воздержались, решив сформировать группы для обучения грамоте, выделив по два человека от каждого отделения. Для поиска преподавателей планировалось обратиться в то же общество «Возрождение Китая». В планах было сформировать группы для занятий из неграмотных, а также обязать учить русский язык всех писарей⁸¹. Однако, удалось ли осуществить эти планы или нет, неизвестно.

Судя по всему, ниша хлебопечения стала популярна среди оказавшихся в Москве китайцев по нескольким причинам. Во-первых, как отмечалось выше, часть из них уже имели опыт работы в отрасли и, следовательно, были знакомы с соответствующими технологиями. Этот опыт давал возможность ориентироваться во вкусах потребителей и производить основные популярные сорта хлеба: ситный, ситный с изюмом, плетеный, халу, французские булки, украинский и другие. Во-вторых, в это время основную роль в хлебопечении играли относительно небольшие предприятия. Невысокая стоимость организации или аренды производства также добавляли привлекательности, позволяя выйти на рынок, не имея большого капитала. В-третьих, значительные масштабы этого рынка и, учитывая жесткие рамки ценовой регуляции, невысокие прибыли снижали уровень конкуренции, позволяя небольшим группам найти себе место в этой сфере.

Однако исторические обстоятельства не позволили развиваться этим начинаниям. В условиях, когда экономика страны зависела от политически обусловленных решений правящей партии, китайские пекарни разделили историю множества других кооперативов периода нэпа. И если на 1 октября 1928 г. в системе Москопищепромсоюза работало 328 китайцев, то в октябре 1929 г. их оставалось только трое⁸².

1. Среди этих работ прежде всего стоит упомянуть исследование Д.А. Спичак. См.: *Спичак Д.А.* Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939). М., 2012; а также: *Yu Miin-ling.* Sun Yat-sen University in Moscow, 1925–1930. NY, 1995 и др. Большое количество мемуарной литературы бывших учащихся не переведено на русский язык, из доступных переводов можно обратить внимание на книгу: *Шэн Юэ.* Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания. М., 2009.
2. См., напр.: *Андреевский Г.В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. М., 2003. С. 131–132; *Маркус Б.С.* Московские картинки, 1920–1930 гг. М., 1999. С. 25; пьеса М.А. Булгакова «Зойкина квартира» и др.
3. См., напр.: *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 113.
4. Подсчитано по: Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р. 1235. Оп. 123. Д. 35 Л. 6.
5. В основном такое написание встречается в сохранившихся документах товарищества в фонде 1668 Центрального государственного архива Москвы (далее ЦГАМ).
6. См. *Ларин А.Г.* Указ. соч. С. 73.
7. ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 123. Д. 35 Л. 6.
8. *Петров А.И.* История китайцев в России. 1856–1917 годы. СПб., 2003. С. 534, 543–544, 699.
9. *Граве В. В.* Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912. С. 352–361.
10. Там же. С. 28.
11. Там же. С. 433–437.
12. Ф.В. Соловьев в работе 1989 г. «Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма» воспроизводит данные из таблиц Граве, не уточняя, что они относятся к представителям трех национальностей, а не только к китайцам (с. 105–106).
13. См.: ЦГАМ Ф. 1668. Оп. 1. Д. 25.
14. В связи с тем, что в 20-х годах XX века большинство китайских имен записывались в русской транскрипции весьма произвольно, в данной статье все искаженные написания будут выделены

- курсивом. Имена же, которые известно как пишутся по-китайски, написание которых в документах сходно с принятыми в настоящее время правилами или имеется возможность предположить их подлинное звучание, выделяться не будут.
15. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1925 год. М., 1924. Отд. III. С. 878–880, 914–917.
 16. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1927 год. М., 1926. Отд. III. С. 623.
 17. См.: ЦГАМ Ф. 1668. Оп. 1. Д. 22 Л. 129.
 18. По данным: Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1929 год. М., 1928, а также документов ЦГАМ Ф. 1668. Оп. 1. Д. 22.
 19. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 12. Л. 14, 14об.
 20. ГАРФ. Ф. А5449. Оп. 2. Д. 1287. Л. 30.
 21. ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 123. Д. 35. Л. 6.
 22. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1925 год. М., 1925. Отд. III. С. 917.
 23. Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1926 год. М., 1926. С. Отд. III. 783.
 24. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 12. Л. 16об.
 25. См., напр.: ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 6. Л. 12об.
 26. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 530. Д. 1. Л. 9.
 27. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
 28. Там же.
 29. Там же. Д. 1. Л. 9.
 30. Там же. Д. 5. Л. 5об.
 31. Там же. Д. 12. Л. 2.
 32. Там же.
 33. Там же. Л. 3.
 34. Там же. Д. 10. Л. 1.
 35. Там же. Д. 12. Л. 14, 14об.
 36. Там же. Д. 10. Л. 2.
 37. См., напр.: Там же. Л. 53об.
 38. Там же. Л. 4об.
 39. Там же. Л. 6об.
 40. Там же. Л. 12об.
 41. Там же.
 42. Там же. Л. 40 об.
 43. Там же. Л. 30.
 44. Там же. Л. 12.
 45. Там же. Л. 19об.
 46. Там же. Л. 28об.
 47. Там же. Д. 12. Л. 12.
 48. Там же. Д. 1. Л. 15.
 49. Там же. Д. 12. Л. 4об.
 50. Там же. Д. 10. Л. 45об.
 51. Там же. Л. 33.
 52. Там же. Л. 54об.
 53. Там же. Л. 53об.
 54. Там же. Л. 56об.
 55. По-видимому, перевод Якухина в «Муравейник» имеет прямое отношение к заключительному этапу противоборства властей с этим товариществом. «Муравейник» был тесно связан с деятельностью левых эсеров, эсеров-максималистов и анархо-синдикалистов. Он возник в 1924 г. при укрупнении артели «Трудовая вольность» (организаторы «Трудовой вольности» были членами созданной в 1922 г. и закрытой судом в 1923 г. «Вольности труда»). «Муравейник» был инициатором объединения артелей, вылившегося в создание самого «Хлебартельсоюза» (позже ставшего «Москопищепромсоюзом»). Товарищество, довольно успешно осуществляющее «эксперимент по реализации левоэсеровской «синдикально-кооперативной» модели хозяйствования», к 1928 г. насчитывало около 400 членов, семь пекарен, кондитерскую фабрику и 19 точек продаж. Вскоре «Москопищепромсоюз» потребовал от председателя правления С.Ф.Рыбина ввести в состав правления нескольких коммунистов, на это был дан отказ. А уже в начале 1929 г. «большая группа артельщиков во главе с Рыбиным была арестована органами

ОГПУ». Подробнее см.: *Леонтьев Я.В.* Лезовсеровская артель «Муравейник» и ее председатель С.Ф. Рыбин // История России: политика, власть, управление: Сб. ст., посвященный 80-летнему юбилею заслуженного проф. Московского университета В.А Кувшинова. М, 2010. С. 117–130.

56. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 10. Л. 54.
57. Там же. Л. 61.
58. ГАРФ. Ф. А5449. Оп. 2. Д. 1287. Л. 76.
59. Там же. Л. 71.
60. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.
61. Там же. Д. 10. Л. 21.
62. Там же. Д. 12. Л. 11.
63. ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 123. Д. 35. Л. 6.
64. См., напр.: ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 6. Л. 42об.
65. Там же. Д. 10. Л. 3об.
66. Там же. Л. 4об.
67. Там же. Л. 8об.
68. Там же. Л. 16, 31, 47, 47об.
69. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 10. Л. 4об.
70. Там же. Д. 12. Л. 5об.
71. Там же. Д. 10. Л. 34.
72. Там же. Л. 65об.
73. Рабочая Москва. 1926. № 46.
74. ГАРФ. Ф. Р. 1235. Оп. 123. Д. 35. Л. 6.
75. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 25.
76. Там же. Д. 12. Л. 4.
77. Там же. Д. 10. Л. 36.
78. Там же. Л. 20.
79. Лян Кунь, также известный под именем Никита Иванович Лянь-Кунь, был воспитан в Российской Духовной миссии в Пекине, в 1920-х годах был преподавателем в Московском институте востоковедения, Военной академии им. Фрунзе и т.д. См.: *Алексеев М.А., Колпакиди А.И., Кочик В.Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945. М., 2012. С. 489.
80. ЦГАМ. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 12. Л. 4об, 5.
81. Там же. Д. 10. Л. 39об, 40.
82. ГАРФ. Ф. А5449. Оп. 2. Д. 1287. Л. 30.